

Секция 5. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА И СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В.И. Антонов, д-р филос. наук, проф., e-mail: wlanto@rambler.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 321.01

БЕРТРАН РАССЕЛ О ПОСТОКТАБРЬСКОЙ (БОЛЬШЕВИСТСКОЙ) РОССИИ И ЕЕ ВОЖДЯХ

В статье автором анализируется: как, какой увидел, как воспринял постреволюционную (большевицкую) Россию во время посещения ее в 1920 г. выдающийся британский философ, логик, математик, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе Бертран Рассел. Это дается через призму его книги «Практика и теория большевизма». В статье показаны некоторые живые впечатления философа, рассматривается ряд его критических и позитивных суждений, оценок и выводов о феномене большевизма, о его вождях, о судьбах революции в России и ее связи с мировой цивилизацией. Авторская работа обоснованно предварена краткой интродукцией. В ней в сжатой форме представлены основные этапы, наиболее значимые результаты, интересные моменты из жизни ученого.

Ключевые слова: Рассел, британский философ, Октябрьская революция, большевизм, Россия.

V.I. Antonov, Dr. Sc. Philosophy, Prof.

BERTRAND RUSSELL ON POSTOCTORAL (BOLSHEVIK) OF RUSSIA AND ITS LEADERS

In the article the author examines views and impressions of a prominent British philosopher, logician, mathematician, public figure, winner of the Nobel prize for literature Bertrand Russell when he visited post-revolutionary (Bolshevik) Russia in 1920. It is analyzed through the prism of his book "the Practice and theory of Bolshevism". The article shows some live impressions of the philosopher, discusses a number of his critical and positive opinions, assessments and conclusions about the phenomenon of Bolshevism, its leaders, the fate of the revolution in Russia and its relation to the world civilization. The author's work rightly prefaced by a brief introduction. It concisely presents the main stages, the most relevant results, interesting moments in the life of a scientist.

Key words: Russell, British philosopher of the October revolution, Bolshevism, Russia.

Краткая интродукция*

Имя Бертрана Рассела крепко вошло в мой научно-познавательный мир еще со студенческих лет в МГУ, точнее говоря, со второго курса (1970), когда проходил семестровое изучение математической логики. Причем в том году Рассел скончался, прожив 98 лет (он родился в 1872 г.). Это имя впервые прозвучало из уст одного из ведущих логиков страны, профессора кафедры логики Е.К. Войшвилло, когда он нам, второкурсникам, подробно, с присущей ему щепетильностью, разъяснял знаменитую логическую антиномию (парадокс) Рассела. И еще, помнится, Евгений Казимирович тогда назвал британского ученого безо всякой опаски идеологического порядка великим логиком и математиком XX столетия. Тогда мы для себя раз и навсегда уяснили, что эта антиномия Расселом была предложена еще в 1903 г. в его раннем труде «Принципы математики», получившем впоследствии международное признание.

Антиномия (парадокс) Рассела включалась специальным вопросом в экзаменационные вопросы по математической логике. В ней, по сути, ставилась неразрешимая проблема соотношения так называемых нормальных и ненормальных множеств (классов). Расселовская антиномия в итоге сложного логико-математического расклада получала следующую формулу: $R \in R \equiv \sim(R \in R)$. И она была, если мягко выразиться, не очень-то легка и проста для усвоения студентами. Нередко поэтому оказывалась камнем преткновения на экзаменах.

Данная антиномия была открыта Расселом в теории множеств уже при ее создании. Она вместе с некоторыми другими логико-математическими парадоксами достаточно серьезно поколебала сами основания математики, обусловив в них закономерный кризис. Это привело Рассела к построению оригинального варианта аксиоматической теории множеств, а в последующем – к серьезной попытке (в некоторых случаях успешно реализованной) сведения математики к логике.

Кстати, Рассел в целях разъяснения своей антиномии, чтобы она стала более доступной для понимания широкой публикой, предложил также популярный ее вариант, получивший название «парадокс парикмахера». Так, парикмахер, живущий в некоторой деревне, бреет всех тех и только тех жителей этой деревни, которые не бреются сами. При этом изначально предполагается, что он единственный парикмахер в данной деревне. Возникают естественные вопросы: бреет ли он самого себя? Должен ли парикмахер брить самого себя?

Рассел, ставший хорошо знакомым нам по курсу математической логики как крупнейший логик и математик XX столетия, уже через год (1971) предстал в новом свете в одной из лекций известного профессора кафедры истории зарубежной философии И.С. Нарского по курсу «Западноевропейская философия XVII- XVIII вв.». В завершение лекции, посвященной философии Д. Юма, он упомянул Б. Рассела не только как выдающегося представителя современной западной философии, имея в виду, разумеется, XX в., но и как яркого последователя, одновременно основательного критика и «реформатора» юмизма.

Имя Б. Рассела вновь всплыло во время чтения лекций еще одним именитым профессором кафедры истории зарубежной философии А.С. Богомоловым (1973), посвященных критическому анализу современной (для того времени) западной философии. Алексей Сергеевич, освещая тему «Становление и развитие неопозитивизма», назвал его крупнейшим английским буржуазным философом. Из лекции мы узнали, что Рассел был создателем концепции логического атомизма и основоположником философии логического анализа (аналитической философии).

Поэтому устойчивый образ многогранного ученого-мыслителя, философа, логика, математика, маститого и масштабного исследователя, основателя различных теорий и концепций в лице Бертрانا Рассела сложился у автора настоящих строк уже в студенческие годы. Хотя Рассел в моем сознании тогда больше предстал как человек, стоявший всегда по ту сторону нашей социальной системы, и в этом смысле, т.е. идеологически, не совсем приемлемым, но в то же время я невольно испытывал чувство профессиональной гордости (больше – в скрытой форме) за него, говоря конкретнее, за то, что он именно как философ в 1950 г. удостоился Нобелевской премии в области литературы.

Рассел удостоился этой премии за книгу «Брак и мораль», хотя присуждение ее состоялось по прошествии 21 года после ее выхода в свет (1929). Работа, вне сомнения, явилась высококлассным трудом, причем не только для своего времени.

В книге всемирно известный философ и гуманист затронул вечные и животрепещущие проблемы человеческой жизни. Потому они остаются актуальными и поныне. История становления и развития институтов брака и семьи, изложенная им в книге через призму волнующих каждого человека вопросов – брак и развод, верность и измена, секс и любовь и т.д., делает эту книгу действительно востребованной на все времена.

Но признание Рассела как ученого с мировым именем, разумеется, началось значительно раньше. Это стало происходить уже на стыке двух первых десятилетий XX в.

«Новый век» для молодого Рассела, т.е. XX столетие, начало которого совпало со вторым периодом его творчества (а первый взял старт с 1890 г.), действительно приносит свои феноменальные плоды, которые непосредственно были связаны с исследованиями логических оснований математики. В 1903 г. выходят в свет его «Принципы математики», через два года – труд «Об обозначении». В 1908 г. им издается и такая значимая работа как «Математическая логика, основанная на теории типов». Этот период завершается настоящим триумфом. В 1910-1913 гг. Расселом был издан монументальный трехтомный труд «Principia Mathematica» в соавторстве с А. Уайтхедом, принесший авторам мировое признание и славу. Название вышедшего в свет труда невольно ассоциировалось с классическим произведением И. Ньютона «Principia Mathematica Philosophiae Naturalis» (1687). Но претенциозность такого наименования была вполне оправданной. Фундаментальное исследование именно логических оснований математики, данное в совместном труде, по существу создало новую философию не только математики, но и в целом науки.

Еще одним фактом обретения Расселом статуса ученого с мировым именем стало избрание его в 1911 г. президентом Аристотелевского общества в Англии. В это же время он активно вовлекается в общественно-политическую деятельность. Открыто выступает поборником женского равноправия. Как член так называемого Фабианского общества и сообразно политическим целям этой организации, Рассел со всей ответственностью занимается пропагандой социалистических идей в их «мягком», реформистском варианте.

Третий период его творческой и общественной деятельности, начавшийся примерно со второго десятилетия XX в., считается более длительным и тянется вплоть до 1950-х гг. Указанный период ока-

зался чрезвычайно насыщенным самой многообразной тематикой исследований, самыми разноплановыми трудами, которые сделали Рассела по-настоящему универсальным ученым. Основным содержанием этого весьма продолжительного этапа, начавшегося с вышеназванных фундаментальных трудов по математике, стали разработка им «более легких» (по самокритичному утверждению самого Рассела) социологических, политических, философских, религиозных, педагогических тем и написание популярных работ, которые он считал более нужными для широкой публики и поэтому ценил их даже больше, чем глубокие изыски для узкого круга научной элиты. Им было написано множество трудов, относящихся к вопросам социологии и политики, образования и педагогики, религии и морали, философии науки и логики, теории познания и истории философии и т.д.

Главным делом четвертого периода деятельности Рассела, охватившего последнее десятилетие его жизни (1950-1970), наряду с массой разно-тематических, но очень серьезных исследований становится активная борьба за мир. Он выступает как инициатор, координатор, деятельный участник целого ряда антивоенных кампаний, организаций. Его голос авторитетно и мощно звучит как рупор защиты мира. Рассел становится крупным и признанным деятелем мирового демократического движения за ядерное разоружение, за отказ от решения спорных вопросов в международной политике военными средствами. В этот период, по мнению многих биографов-расселоведов, он был как никогда близок к получению второй Нобелевской премии, на этот раз – в области мира. Но реальное ожидание не оправдалось. Тут, по всей вероятности, не обошлось без тотального давления и бойкота со стороны США. Ведь Рассел в течение многих лет подвергал жесткой и нелюбимой критике разнузданную милитаристскую политику этой страны, особенно ее военную авантюру во Вьетнаме.

В контексте нашего исследования целесообразно вкратце затронуть первое десятилетие главного – третьего – периода жизнедеятельности Б. Рассела (1911-1950). Речь идет о 1911-1920 гг. Это десятилетие, кроме выхода феноменального трехтомного труда по математике, было ознаменовано написанием им интересных социально-политических работ, также отмечено его активной общественной и политической деятельностью.

В годы Первой мировой войны Рассел, которому глубоко претила военно-шовинистическая пропаганда в Англии, начинает активно заниматься пацифистской деятельностью, став членом организации «Противодействие призыву на военную службу», что требовало от него немалого гражданского мужества и смелости. От него отворачиваются многие друзья, его изгоняют из Тринити-колледжа. Свои антивоенные и социальные взгляды он представляет в трудах «Принципы социального переустройства», «Война и справедливость» (1916). В следующем году в США была выпущена его небольшая работа «Мои политические идеалы», где ставится ключевой философский вопрос: реализация политических идеалов при разумном устройстве мира (социализма или капитализма) возможна только при условии самого полного развития творческого потенциала человека как свободной личности.

Агитация против участия англичан в Второй мировой войне не проходит даром. Рассела ненадолго заключают в тюрьму. Правительство запрещает ему выезд в США для чтения лекций в Гарвардском университете. В 1918 г. по просьбе американского издателя Рассел пишет и выпускает книгу «Путь к свободе». За этот и другие политические «грехи» он вторично попадает в тюрьму. В период шестимесячного заключения им был создан очередной труд «Введение в математическую философию» (1919).

Советская Россия и ее вожди глазами британского философа

Рассел проявлял живой и неподдельный интерес к Октябрьской революции, произошедшей в России. Горел большим желанием вживую ознакомиться с жизнью постреволюционной страны. И это ему удается. В 1920 г. Расселом в составе делегации лейбористской партии была осуществлена заветная поездка в Советскую Россию. Итогом 37-дневного пребывания (11 мая – 16 июня) в стране стала его книга «Практика и теория большевизма». Более или менее конкретное рассмотрение данной работы в фокусе вышеобозначенной темы как раз входит в предмет нашего исследования.

Уже в самом предисловии книги Расселом подчеркнута: «Российская революция – одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей. Разница между этими двумя революциями иллюстрируется отличием Маркса от Руссо: последний – сентиментальный и кроткий, взывающий к чувствам, сглаживающий острые углы; первый – по-гегелевски систематичен, исполнен весомого интеллектуализма, апеллирует к исторической необходимости и техническому развитию промышленности, человеческое существо склонен рассматривать как марионетку, подвластную всемогущим материальным силам. В большевизме сочетаются черты Французской революции и черты

ислама времен его расцвета; результатом явилось нечто радикально новое, что можно постичь лишь с помощью упорной и страстной силы воображения» [1, с. 5].

При этом Рассел ключевым моментом в российской революции считает большевистскую попытку осуществить коммунизм. И эта попытка, основанная на героизме, порождает человеческие надежды. Поэтому за такую, по сути, дерзновенную попытку, без которой невозможно рассчитывать на конечный успех, как полагает Рассел, большевизм достоин благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества.

Рассел считает, что большевизм, если даже ожидает падение, останется легендой в истории, предстанет перед человеческим взором, в его восприятии незабываемой героической попыткой. Но его пугает метод, с помощью которого большевики хотят установить в России коммунизм. Этот метод суров и опасен. Но беда (еще одна) в том, что героическая попытка установить коммунизм полностью затмевает страшные издержки в процессе ее осуществления.

Он на стороне большевистской практики в той ее части, когда «фундаментальная экономическая реконструкция, чреватая весьма глубокими изменениями в образе мыслей и чувств, в философии и искусстве, личных отношениях, представляется абсолютно необходимой для того, чтобы материальное производство стало слугой человека, а не его господином» [1, с. 6].

Но Рассел вполне определенно отмежевывается от такого теоретического аспекта, заложенного в большевизме, когда это учение «не просто политическая доктрина, но еще и религия с своими догмами и священными писаниями. Когда Ленин хочет доказать какое-либо положение, он по мере возможности цитирует Маркса и Энгельса. Подлинный коммунист не просто человек, убежденный, что землей и капиталом необходимо владеть сообща, а их продукцию распределять, насколько возможно, поровну. Этот человек, который разделяет целую систему определенных догматических верований, вроде философского материализма, которые, может быть истинны, но не носят научного характера (нет таких способов, которые позволили бы установить их истинность с определенностью). Эта привычка абсолютной уверенности по поводу объективно сомнительных вещей – из тех, от которых мир постепенно избавляется... в пользу конструктивного и плодотворного скептицизма, характеризующего научное мировоззрение» [1, с. 7].

Интересны рассуждения Рассела о таких сущностных понятиях, характеризующих новую, большевистскую власть России, как «диктатура» и «пролетариат». Здесь он обращает особое внимание на чисто национальную (русскую) трактовку и понимание данных понятий.

«Когда русский коммунист говорит о «диктатуре», он понимает это слово буквально, но когда он говорит о «пролетариате», то он использует это слово в некоем пиквикском (т.е. в каком-то необычном, отличном от общепринятого – *В.А.*) смысле. Он при этом имеет в виду «классово сознательную» часть пролетариата, т.е. коммунистическую партию. Он включает в пролетариат людей, которые никоим образом не являются пролетариями (таких, как Ленин, Чичерин), но имеют «правильные» взгляды, и он исключает тех наемных работников, которые таких взглядов не имеют; последних он называет лакеями буржуазии. Коммунист, искренне разделяющий взгляды партии, убежден, что корень всех зол – частная собственность; он настолько убежден в этом, что не останавливается ни перед какими, даже самыми жестокими мерами, если они кажутся необходимыми для построения и сохранения коммунистического государства» [1, с. 16].

Рассела поражает то обстоятельство, что русский коммунист, или большевик (что одно и то же), одинаково не щадит себя и других. Обладание властью, контрольными функциями за снабжением жизненно необходимых продуктов не приводит его к зажиточности. Он ведет в абсолютном большинстве случаев аскетический образ жизни, который делает его еще более безжалостным. Рассел не без основания склоняется к мысли, что русский коммунист, беззаветно следуя учению Маркса о том, что коммунизм наступит по формационным законам истории с фатальной неизбежностью, свой (русский) характер и умонастроение невольно дополняет восточными (мусульманскими) чертами. Более того, он этим очень напоминает убежденность ранних последователей Магомета.

Выделяя в русском большевизме внутренний аристократизм и внешнюю воинственность, в его представителях Рассел отмечает мужественность, энергичность, способность властвовать, готовность служить новому государству. Но с другой стороны, его настораживают ничем не прикрытая склонность в них к безудержному диктаторству, отсутствие снисходительности и терпимости к простому, лишенному элементарных условий жизни люду, т.е. к плебсу.

Как пишет Рассел, «практически они одни (т.е. русские коммунисты – *В.А.*) обладают властью, вследствие чего могут иметь бесчисленные преимущества. Большинство из них – далеко не впадая в роскошь – питаются все же лучше, чем весь народ. Только люди с определенным политическим весом могут иметь телефон или автомобиль. Возможностей поехать куда-либо поездом, сделать покупки в

советских магазинах (где цена примерно в пятьдесят раз ниже, чем на рынке), пойти в театр и так далее, конечно же, больше у тех, кто близок к власти, чем у простых смертных. И тысячами способов коммунисты могут достичь более благополучной, чем у остальных, жизни. К тому же они меньше обременены навязчивым вниманием со стороны полиции и Чрезвычайной Комиссии» [1, с. 18].

Как известно, эти – власть держащие – коммунисты (большевики) в период сталинизма эволюционировали в мощную партийную номенклатуру с особыми привилегиями во всем. Причем подобные привилегии в дальнейшем обретали все более изощренные и многообразные формы и оставались в законной силе вплоть до кончины СССР в 1991 г.

Но вернемся к сказанному ранее. В то время, т.е. после посещения Советской России, больше всего Рассел опасался того, как большевики понимают и хотят реализовать идею мировой революции. Главное они, в соответствии с марксовым предсказанием, видят здесь необходимость покончить с мировым капитализмом. Это возможно только вооружением пролетариата и одновременно разоружением буржуазии.

В то же время Рассел здесь не приемлет того, что капитализм менее плох, чем полагают большевики, а считает, что социализм на русской почве недостаточно исторически и экономически подготовлен предшествующим строем. Имея не лучшее состояние, он может осуществиться только через войну. А зло большой войны, основанное на гражданском противостоянии и последующем за ним неоправданном кровопролитии, по убеждению Рассела, может привести вообще к утрате наследия всей человеческой цивилизации. При этом взаимная ненависть, подозрительность и жестокость, порожденные такой войной, еще больше усугубят критическую ситуацию и сделаются повседневной нормой взаимоотношений людей.

Дабы одержать победу «в войне, необходима концентрация власти, а из концентрации власти вытекают те же самые бедствия, что из капиталистической концентрации богатства. Именно вследствие этих причин не могу поддерживать любое движение, целью которого является мировая революция. Ущерб, нанесенный цивилизации революцией в одной стране, можно возместить при помощи других стран, в которых революции не было, но от последствий мирового катаклизма цивилизация не оправится в течение тысячи лет» [1, с. 19].

В этом смысле, как считает Рассел, большевики, как сторонники мировой революции, являются абсолютными интернационалистами. На его взгляд, даже Ленин живет революционными интересами России ничуть не больше, чем подобными же интересами других стран. Поэтому Россия со своим примером и опытом главного в тот момент носителя социальной революции представляется наиболее ценной не только и не столько для себя, сколько для всего остального мира. Следовательно, по мнению Рассела, Ленин мог бы пожертвовать скорее Россией, нежели революцией (особенно мировой), в случае возникновения такой альтернативы. И это, безусловно, являлось ортодоксальной позицией, которую искренне в то время разделяли многие из большевистских лидеров. Более того, на почве национальной гордости за Октябрьскую революцию, как не один раз замечал Рассел, буйно начинал цвести настоящий национализм в сердцах русских коммунистов (большевиков). Его заметный подъем ощущался среди них, например, в ходе польской войны.

В целом Рассел российский вариант коммунизма считает провальным. Один из завершающих разделов его книги так и называется: «Почему российский коммунизм потерпел неудачу». Здесь в трех ключевых тезисах по существу перекликаются (где-то повторяются) основные причины этого поражения: 1. «Самым ярким проявлением общего развала России является продовольственный вопрос». 2. «Крах промышленности стал главной причиной трудностей с продовольствием и был, в свою очередь, усугублен им». 3. «Развал всей промышленной части национальной экономики, включая и транспорт, является основой остальных неудач Советского правительства» [1, с. 94, 95].

Далее Рассел пишет: «Вследствие своей непопулярности большевикам пришлось опереться на армию и Всероссийскую чрезвычайную комиссию, они были вынуждены также свести систему Советов к пустой формальности. Их претензии быть представителями рабочих становятся все более несостоятельными. Тяжелый труд, длинный рабочий день, запрещение забастовок, тюрьма для уклоняющихся от трудовой деятельности, уменьшение и без того недостаточных пайков на предприятиях, где выпуск продукции упал ниже, чем ожидали власти, армия шпионов, готовая донести о любой тенденции к политическому недовольству и посадить в тюрьму его подстрекателей, – такова реальность системы, все еще открыто заявляющей, что она правит от имени пролетариата

В то же время внутренняя и внешняя (т.е. интервенция – *В.А.*) опасность вызвали необходимость создания громадной армии (трехмиллионной – *В.А.*)... Militarизм породил суровый диктаторский дух...» [1, с. 96].

Все это верно подмечено Расселом. Все эти суждения и выводы вполне оправданы. Ведь Рассел посетил Россию в труднейшее для нее время, в тяжелейшую пору разрухи и интервенции.

Безусловно, лицо революции, новой России лучше высвечивается (если прибегнуть к тавтологии) в лицах ее вождей. Поэтому в книге «Практика и теория большевизма» достаточно подробно описаны встречи Рассела с двумя лидерами русской революции – Лениным и Троцким.

Интересны характеристики, данные им этим деятелям. Они, между тем, местами разнятся, даже противоположны друг к другу. Это, прежде всего, касается таких черт как высокомерие, тщеславие.

Рассел отмечает прекрасное владение Лениным английским (кстати, он свободно владел десятью европейскими языками) во время часовой беседы с ним. Так что присутствие переводчика оказалось чисто символическим явлением. Вот что он пишет об этом вожде: «Обстановка кабинета Ленина очень проста... Очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже к комфорту. Он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. При встрече с ним, не зная кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью и вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости» [1, с. 20].

Рассел замечает одну особенность Ленина, когда тот пристально вглядывается в своих посетителей. Он обычно прищуривает один глаз, словно желая усилить проницательную силу второго глаза. Ленин всегда поначалу сопровождает разговор со своим собеседником дружелюбным и веселым смехом. Затем он становится саркастическим. От того собеседнику становится как-то не по себе.

И еще в глаза бросаются его спокойствие и властность. Чувствуется, что это «рыцарь без страха». Предстает перед собеседником совершенно свободным от всякого своекорыстия. Ленин кажется плоть от плоти абсолютным олицетворением высокой теории. Потому что в нем глубоко сидит материалистическое понимание истории как краеугольный камень этой теории.

Ленин больше похож не на предводителя, не на вождя, а на профессора, одержимого желанием сделать свою теорию понятной и доступной для всех, потому склонного к подробным разъяснениям, но готового обрушить всю свою ярость, кто не может понять ее или не согласен с ней.

«Я думаю, – признается Рассел, – что если бы встретил его, не зная, кто он такой, не догадался бы, что он великий человек; он произвел на меня впечатление крайне самоуверенного, несгибаемого ортодокса. Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере – религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное, но отличается меньшим эгоцентризмом. ...Я приехал в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения – не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету» [1, с. 24].

Но автору данных строк думается, что Ленин не был до конца ортодоксом, не был и догматиком в строгом смысле этого слова. «Логика его мыслей и действий, особенно в последний период деятельности, ясно свидетельствует о том, что Ленин окончательно созревает для нового видения и понимания природы социализма. И это в концентрированном виде, как итог, выражено в следующей знаменательной фразе: «Вместе с тем мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [2, с. 97].

Но, увы, Ленину и по судьбе, и самой историей был предоставлен слишком мизерный срок для строительства нового, доселе в практическом плане не осуществленного строя. Причем, надо сказать, в мирных условиях.

Поэтому автором недвусмысленно подчеркивалось: «Учитывая конструктивный характер ленинского мышления, его высокую адаптивность и гибкость в самых различных исторических реалиях, европейскую культуру и образованность Ленина, глубоко сомнительно, чтобы он, поживи, допустим, десяток лет, трансформировался в зачатого коммуниста, т.е. в коммуниста сталинского, догматического образца. Ведь Ленин в сущности был западником: по духу, по стилю мышления, по воспитанию, по образу жизни, по блестящему знанию и владению всеми основными западноевропейскими языками, по опыту многолетнего пребывания в Западной Европе. Но Маркс и марксизм – тоже западное явление. Поэтому, на мой взгляд, очень трудно представить в потенции органичную смычку Ленина с такой постленинской деформацией как Сталин, сталинизм» [2, с. 97].

Говоря же о Троцком, Рассел утверждает, что большевики ставят его вровень с Лениным. Он выделяет в нем следующие моменты: горящие глаза, военную выправку, искрящийся ум и магнетиче-

ское обаяние. Расселу Троцкий представляется очень симпатичным, с прекрасными вьющимися волосами, неотразимым для женщин. Он отличается жизнерадостностью и добрым юмором. Но этот юмор, правда, у него продолжается до тех пор, пока не начинают ему противоречить.

Но далее у Рассела читаем нечто противоположное (по сравнению с Лениным) о Троцком: «Мне показалось – возможно, я и неправ, – что его тщеславие даже больше, чем его любовь к власти, – это тот сорт тщеславия, который скорее можно встретить у художника или актера. Подчас приходит в голову сравнение с Наполеоном» [1, с. 24-25].

Но что их объединяет, так это – интеллектуальные качества. Рассел отмечает, что Троцкий произвел на него большее впечатление своими интеллектуальными качествами, а о Ленине пишет, что «он... в интеллектуальном отношении является аристократом» [1, с. 21, 24]. Но полное идейное единение этих вождей основано на их непоколебимой вере в правоту марксистского учения, на их искренней и глубокой коммунистической убежденности.

Абсолютно контрастным обоим вождям Октябрьской революции Расселу представляется основоположник пролетарской литературы Горький. У него с писателем состоялась краткая беседа в Санкт-Петербурге. Рассел навестил Горького, больного, лежащего в постели.

Вот что он пишет: «В нем чувствуется любовь к русским людям, которая делает их сегодняшние страдания невыносимыми для него самого и которая ослабляет фанатизм веры, характерный для ортодоксальных марксистов. Мне он показался более других достойным уважения и, на мой взгляд, наиболее симпатичным из всех русских, которых я видел. Мне хотелось получше выяснить его взгляды, но он говорил с трудом, и его речь постоянно прерывалась ужасными приступами кашля, поэтому я не мог остаться дольше. Все представители интеллигенции, которых я встречал, – класс, весьма сильно пострадавший, – выражали ему благодарность за то, что он для них сделал» [1, с. 26].

Рассел покинул Россию с вполне осознанным мнением, что Октябрьская революция по значимости сопоставима и в некоторых аспектах даже выше, чем Великая Французская революция. Разумеется, он как истинный демократ, либерал, поборник свободы, сторонник реформ и парламентской системы не мог согласиться с методами большевиков, для него были глубоко чужды революционное насилие и жертвы, в равной степени и догматизм большевиков, их нетерпимость к любому инакомыслию, подавление ими свободы личности. В этом контексте он вынужден был заключить: «Основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме ненависти и его вере, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия» [1, с. 100]. И Рассел был во многом прав.

Если же говорить о самой книге «Практика и теория большевизма», то она, несомненно, является важным историко-мемуарным документом. Книга остается актуальной и поныне как живой авторский источник о том сложном, неоднозначном периоде отечественной истории. Личные – весьма интересные, острые и критические – суждения и оценки автора вполне могут быть востребованы реалиями нашего времени, для обсуждения и рассмотрения их в современных общественных (исторических, политических, теоретических) дискуссиях о судьбе и последствиях Октябрьской революции.

Книга Б. Рассела, безусловно, серьезно расширяет и обогащает наши представления о Советской России первых постоктябрьских лет и наши знания о том, как, насколько верно или неверно воспринимались на Западе Октябрьская революция и перспективы строительства нового общества, большевизм и Советская власть.

* Более подробно см.: Антонов В.И. Бертран Рассел как явление в науке и обществе XX века // Вестник БГУ. Вып. Философия, социология, политология, культурология. – 2014. – № 14 (2). – С. 115-122.

Библиография

1. Рассел Бертран. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991.
2. Антонов В.И. От Ленина-идола к Ленину реальному // Вестник ВСГУТУ. – 2009. – № 2.

Bibliography

1. Russell Bertrand. Practice and Theory of Bolshevism. - M.: Nauka, 1991.
2. Antonov V. I. From the Lenin-idol to Lenin real // ESSUTM Bulletin. - 2009. - No. 2.